

ДАВИД ГАЙ

О СВОИХ КНИГАХ И НЕ ТОЛЬКО

Я

САМ
СОБОЮ

Недоволен

**Я
САМ
СОБОЮ**

Независим

ДАВИД ГАЙ

О СВОИХ КНИГАХ И НЕ ТОЛЬКО

**Я
САМ
СОБОЮ**

Недоволен

Нью-Йорк

2021

Давид ГАЙ
Я САМ СОБОЮ НЕДОВОЛЕН...

David GUY
I'M NOT HAPPY WITH MYSELF..

Editor
Liydmila Gozun

Layout
Slava Petrakov

Book Cover by
Valery Bochkov

ISBN 978-1-950319-67-1

Copyright © 2021 David Guy
All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the Author.

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA
mgraphics.books@gmail.com
www.mgraphics-books.com

Printed in the United States of America

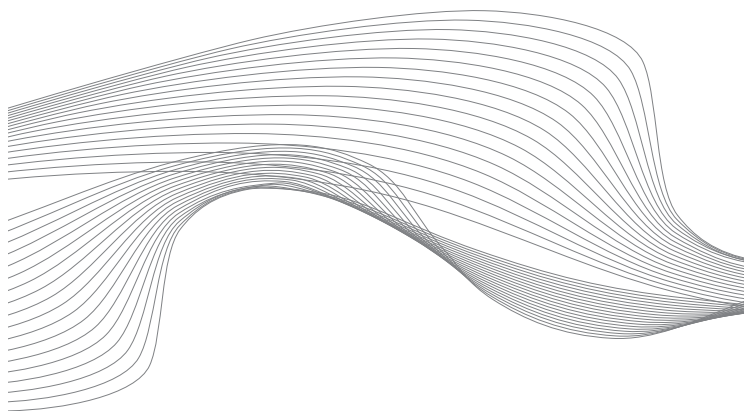
*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?*

Осип Мандельштам

*...И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.*

Борис Пастернак

**Выражаю особую признательность
Семену Резнику и Виктору Норду за
сделанные ими замечания и пожелания,
учтенные мной в окончательной редакции
рукописи.**

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Как-то незаметно, минуя потрясения, крупные неприятности, хворобы, добрался я до собственного юбилея, о котором и мечтать не мог, полагая, что покину земную юдоль гораздо раньше. Говорю без всякой рисовки – как еще мог реагировать на случившееся со мной два десятилетия назад и потребовавшее экстренную операцию на открытом сердце? В России точно был бы каюк, а Америка меня спасла и подарила годы и годы жизни. Жизни!

Во время тогдашнего недельного пребывания на госпитальной койке не соткалось мнение, чем всё обернется, я гнал, как ветер злые тучи, мрачные предзнаменования, однако они полностью не развеивались, иногда отзвук их помимо моей воли полоскал ушные раковины и мнилось, *что из переделки едва ли я выйду живой*. Однако вышел и понял: допрежь приговора нельзя выводы делать, иначе беду накликаешь – мрачные мысли способны материализоваться.

В бруклинском “Маймонидесе” русский хирург

Вайнблат вел внутри меня ирригационные работы: обходил забитые бляшками, залившиеся сердечные артерии и ставил обводные каналы для беспрепятственного тока крови. Но перед этим меня распяли, как цыпленок табака (*перенесший такую же операцию Бродский использовал другой образ – будто вскрыли капот машины*). Внутренности мои охладили, как полярника на льдине, до нужных градусов, жизненные процессы замерли и ни на что не реагировали, сердце выключили, грудь разрезали пилой, и я улетел в космос на семь часов. Полет прошел успешно, я был, как Гагарин, в виде подопытного кролика, только он все чувствовал, а я – ничего; вернувшись из немыслимых галактических далей, с трудом уловил позывной сигнал хирурга: “Если меня слышите, сожмите ваши пальцы, которые я держу...” Слышу, пытаюсь сжать, хоть чуть-чуть, ничего не получается, кисть ватная, не слушается. “Приоткройте глаза и моргните, если вы меня слышите и понимаете...” Слегка разлепляю свинцовые веки и моргаю, возвращаюсь из космоса на грешную землю, сквозь наркотный дурман прорывается: “Голова в порядке...”

Все это происходило, как я уже упомянул, двадцать дарованных мне лет назад. Бэйпасы мои худо-бедно работают. И вот замаячили цифры, в которые не верилось, восьмерка с нулем, неожиданная круглая дата. И пусть смиренно “я утром седину висков заметил и складок безусловность возле рта...” Куда же от этого деться! И вновь повторяю: “Я не люблю зеркал – я сыт по горло зрелищем их порчи: какой-то мятый сукин сын из них мне рожи гнусно корчит...”

Но мимо об этом...

Гляжу на полку с книгами, на титуле мое имя, на-

писал в разные годы, их более 30, первая вышла в 73-м, примерно половина – на родине, другая половина – в Америке. Как говаривал классик, далеко пойдет тот, кто умеет смеяться над своими произведениями. Я смеяться не научился, тем не менее строго и иногда с сожалением оцениваю каждое свое сочинение, на котором останавливается взгляд. Этот роман сегодня написал бы иначе, к этому претензии по части языка, а у этого, изданного в советское цензурное время, по понятной причине недостаточная свобода выражения мыслей... Но и тот, и другой, и третий навевают удивительные ассоциации: я общаюсь с книжками как с собственными детьми, вспоминаю их проделки, капризы, доставленные мне горькие и радостные минуты, для меня, их родителя, собранное в твердом или мягком перелете не исчерпывает содержание – за кадром, на полях остается многое, весьма поучительное. Как они являлись на свет божий, каким образом рождался замысел и как иногда по ходу работы менялся, какие барьеры приходилось преодолевать на пути к читателям... Мне вдруг настойчиво начинает казаться, что история написания книг и борьбы за них (да, борьбы!) не менее важна самой их сути...

Нахожу созвучие в этих своих отнюдь не категорических суждениях с Солженицыным, в “Бодался теленок с дубом” он пишет: *“Есть такая, немалая, вторичная литература: литература о литературе; литература вокруг литературы; литература, рождённая литературой (если б не было подобной перед тем, так и эта б не родилась)”*.

Вот я и хочу, наверное, запоздало, оставить своеобразные заметки на полях собственных книг. Строго го-

воря, такие заметки делают читатели, ручкой или карандашом. Я же сам решил заняться этим. Прошу принять это должным образом, отнестись с пониманием – не как к капризу и прихоти, а лишь как к стремлению выговориться до конца, подвести итог.

Итак, начнем по порядку, строго по хронологии...

“Я ДО СУСЛОВА ДОЙДУ...”

В один из осенних вечеров 1971-го на моем редакционном столе зазвонил телефон. В это время коридоры “Вечерней Москвы” пустели – мы работали утром и днем, но никак не вечером, вопреки названию газеты. Уже в четыре часа дня свежий номер активно продавался в киосках. Нас читала без преувеличения вся столица.

Не помню, в связи с чем я припозднился на работе. Секунду-другую раздумывал, ответить ли. Наверняка звонит какой-нибудь “чайник” (так промеж себя мы называли назойливых и нудных читателей, морочивших голову по разным пустякам). И все-таки поднял трубку. Слышимость была ужасная, я еле-еле уловил, что звонит некий Захаров с вертолетного завода и приглашает на фирму обсудить важный вопрос. Какой, не сказал. Я записал продиктованный номер его телефона и пообещал связаться в ближайшие дни.

Прошло дня три или четыре. Я не перезвонил. Изредка вспоминая вечерний звонок, недоумевая, какой такой важный вопрос ко мне, репортеру, освещающему

авиационные новости, имеет Захаров. О вертолетах я почти не писал, да и летал в командировках на винтокрылах крайне редко. Один полет мог плохо закончиться: мне поручили сделать репортаж о подготовке воздушного парада в “Домодедово” в честь 50-летия Октябрьской революции. Меня взял на борт “Ми-8” Герой Советского Союза Константин Рыхлов и мы должны были совершить тренировочный полет по трассе парада. Вылетели с Центрального аэродрома (бывшая Ходынка), все шло по плану, и вдруг я увидел в иллюминатор, как земля, а точнее, поле с пасущимися коровами, стремительно мчится на меня. Машина необычно раскачивалась и буквально упала с неба на коров и пастуха, в страхе успевших разбежаться. В отличие от них я не успел испугаться, настолько падение наше оказалось моментальным. Мы буквально плюхнулись. Из кабины вышел бледный Рыхлов, вытер тыльной стороной ладони струйку пота.

– Движок отказал... Садись на авторотации, – произнес он, употребив незнакомый мне термин.

Такая вот история.

Выбрав свободную минуту, я позвонил Захарову. Тот продиктовал адрес фирмы в Сокольниках и назначил встречу через день у проходной. Дата и время меня устраивали.

На фирму меня не пустили – разговор проходил в административном помещении. Я был представлен заместителю Главного конструктора Некрасову. Андрей Владимирович задал несколько вопросов относительно моей журналистской работы, сделав акцент на теме авиации. Похоже, он внимательно читал мои репортажи. А

далее ошеломил предложением... написать книгу о знаменитом руководителе ОКБ Миле, скончавшемся год с небольшим назад. “Мы поможем собрать необходимые материалы...” Я, признаться, растерялся и промямлил нечто вроде: “Разрешите немного подумать...” Некрасов разрешил. На том и расстались.

Согласие я дал не без душевного трепета и опасения не справиться с порученным делом. Некрасов ободрил, дал список людей, с кем надо встретиться в первую очередь. Установившийся контакт с куратором будущей книги – приятным во всех отношениях, умным, пронцательным человеком, крупным ученым, лауреатом Государственной премии, сулил надежду, что смогу разобраться в технических вопросах и в хитросплетениях непростой жизни моего героя Михаила Леонтьевича Миля.

Опущу детали, скажу лишь о том, что заполнил анкету для 1-го отдела с целью получения постоянного пропуска на засекреченную фирму. Обещали сделать пропуск быстро после соответствующей проверки. А покамест я начал собирать материалы, беседуя по вечерам с сотрудниками ОКБ у них дома. Забегая вперед, скажу: через девять месяцев рукопись книги уже была готова, а пропуска я так и не получил. И слава богу, с учетом дальнейших моих перипетий отсутствие так называемой 2-й формы секретности оказалось как нельзя кстати.

В самом начале куратор предупредил: “Вам надо получить “добро” от жены Михаила Леонтьевича. Панна Гурьевна – человек непростой. Обязательно надо ей понравиться”. Такая “зависимость” меня не радовала,

но делать нечего. Я отправился на рандеву с дамой, при имени которой многие милевцы начинали чувствовать себя неуютно. Кубанская казачка, Панна Гурьевна являла тип женщин властных, отчасти деспотичных, требующих безусловного подчинения, и одновременно капризных и взбалмошных. У нее на фирме были свои любимчики и те, кого она не жаловала. Такой, во всяком случае, она предстала в рассказах сотрудников фирмы. Михаил Леонтьевич был у нее под каблуком, уверяли меня.

Зная все это, я внутренне готовился к встрече с неизвестным итогом. Она состоялась в квартире Миля на Арбате, в Староконюшенном переулке. Панна Гурьевна чем-то напомнила Вассу Железнову, какой я ее представлял после прочтения Горького. Степенная, скупая в эмоциях, она ощупывала меня недоверчивым взглядом. Пожаловалась на здоровье – мучает мигрень, высокое давление. А взгляд оставался недоверчивым. Но постепенно оттаяла, расспросила, какую книгу я собираюсь писать, посоветовала, с кем непременно надо встретиться, а с кем не обязательно и даже вредно, пообещала рассказать о Миле то, чего никто не знает – жена есть жена. Я, кажется, отделался малой кровью.

К чести Панны Гурьевны, она мне не мешала. Рукопись прочла одной из первых и одобрила, сделав незначительные замечания. Предупреждавшие меня насчет крутого характера вдовы Миля обескураженно качали головами: повезло. Зато дочери Миля сразу же приняли меня сердечно и открыто, особенно Татьяна. Я стал их частым гостем, о чем по прошествии полувека вспоминаю с теплом и душевной приязнью.

Существует особая внутренняя связь пишущего биографию знаменитого человека и героя произведения. Герой может быть живым или усопшим – не имеет значения, но его флюиды чутко и трепетно воспринимаются пишущим, отражаются в его душе. И если писателю особенно приятны черты характера героя, его душевные качества, отношение к окружающим, то это доставляет огромную радость и удовольствие.

Так случилось у меня с Милем. Я, никогда не видевший его, создал четкое представление о Михаиле Леонтьевиче благодаря рассказам его близких и коллег: мягкая, ненавязчивая манера общения, интеллигентность и глубокая порядочность, заботливость, чувство юмора, который он ценил и тонко воспринимал. Он был широко образован, знал и любил живопись и вообще, все красивое.

Михаил Леонтьевич обожал шутки, розыгрыши. Осенью 1964-го, когда сняли Хрущева, Миль блистательно разыгрывал – и не единожды – западных репортеров. Дело в том, что попавшего в немилость Никиту Сергеевича с женой поселили на Арбате, в Староконюшенном переулке, в том самом доме, где жил Миль. При том в квартире этажом выше. Панна Гурьевна познакомилась и подружилась с Ниной Петровной Хрущевой. Уезжая на дачу, та оставляла ключи от квартиры жене Миля с просьбой “приглядеть”, ибо “слишком много развелось воров...”

За Хрущевым охотились западные журналисты в надежде получить интервью и сделать эксклюзивное фото. Приближалась зима, бывший глава государства изредка выходил на улицу в теплом пальто со смушковым светлым воротником и в такой же папахе и быстро

садился в поджидавшую его машину. Репортеры заметили его одежду. По стечению обстоятельств Миль носил похожее пальто и шапку. Внешне он был похож на Хрущева. Возвращаясь с работы, когда было уже темно, он несколько раз просил водителя высадить его меитрах в ста от дома и, подняв воротник, неторопливо шествовал по Староконюшенному. Журналисты кидались к нему, вспыхивали блицы фотокамер, Михаила Леонтьевича просили ответить на короткие вопросы. Он молча продолжал идти по направлению к дому и уже у подъезда снимал шапку и картинно раскланивался. Разочарованные репортеры чертыхались...

В первом издании этого эпизода, понятно, не было – раскрывались бы “секреты” дислокации вертолетного КБ.

Немногим дано совершить в жизни то, что совершил Миль. Увлекающийся, экспансивный, он порой, казалось, не походил на Большого Конструктора, коим несомненно являлся. Вертолеты, созданные под его руководством, прославились на весь мир, став, в частности, самыми грузоподъемными, замечательно работавшими в народном хозяйстве, пополнившими боевую авиацию, побившими десятки мировых рекордов.

Достижения Миля покоились на “трех китах”: интуиция как продукт опыта и знаний, безграничная вера в вертолеты и беспредельная и легко дающаяся работоспособность... Как-то он сказал об одном своем сотруднике, что тот соображает “больше пузом, чем головой”. Это звучало, пожалуй, неодобрительно. В действительности же Миль весьма ценил этого сотрудника, и именно за то, что его решения часто были “от пуза”, а не принимались в соответствии с “высокой”

наукой. Развивая собственную интуицию, он уважал интуицию и в других.

Михаил Леонтьевич говорил: если ему придется выбирать между очень интересной, экспериментальной конструкцией и конструкцией, представляющей небольшой шаг вперед, но зато легко воплощаемой в серию, он, не колеблясь, выберет вторую. Он всегда хотел строить как можно больше вертолетов для практического применения в народном хозяйстве и в Вооруженных Силах и не стремился к славе изобретателя, идеи которого не скоро практически осуществляются. В этом отношении он походил на Андрея Николаевича Туполева...

О многом я не мог написать, учитывая цензурные “рогатки”. Табуированные, запретные темы буквально преследовали. Приходилось, “наступая на горло собственной песне”, заниматься “самооскоплением”. Среди фактов, которые даже не мечтал включить в книгу, ибо их немедленно бы удалили, имелся и такой. Авиапромское начальство промеж себя называло фирму Миля “жидовской”, намекая на избыток евреев. Министр Деметьев недолюбливал Миля и не скрывал этого. Однажды на знаменитом авиасалоне в Ле Бурже он прилюдно устроил Генеральному конструктору выволочку за согласие участвовать во встрече руководителей всех вертолетных фирм.

Относительно евреев. Сам Михаил Леонтьевич, внук кантониста, в анкетах значился “русским”. Его родная сестра Екатерина Леонтьевна, беседуя со мной, критиковала брата: “Я же еврейка, а Миша вдруг русским заделался...” Ну, что было, то было, времена не выбирают, скажут некоторые. Тем не менее, на фирме и вправду специалистов-евреев хватало. В конце 40-х – начале 50-

х, когда в СССР усилились гонения на евреев, их массово увольняли. Авиапромышленность не стала исключением. Куда податься уволенным конструкторам, инженерам, в большинстве сравнительно молодым? Многие направили стопы в недавно организованное КБ Миля. Евреев туда брали – “какие-то непонятные винтокрылы”... Дело непрестижное... С годами принятые в фирму сотрудники выросли в крупных специалистов в своих направлениях.

Издательство “Московский рабочий” заключило со мной договор на выпуск документальной повести, посвященной создателю вертолетов МИ. Издание такого рода требовало в то время наличия четырех разрешений – “виз”. Виза фирмы, в данном случае, ОКБ Миля, виза министерства авиапромышленности, виза военных и, наконец, самое главное – разрешение Главлита, то есть цензуры. Так как книгу выпускало издательство “Московский рабочий”, по статусу городское, то “добро” требовалось от Горлита – хрен редьки не слаще. Три визы без особого труда я получил в течение четырех с половиной месяцев, а вот Горлит... Его начальник Фенин позвонил в издательство и запретил сдавать верстку в производство. “Эта книга в свет не выйдет”, – категорично заявил он.

Это был удар ниже пояса. Первый мой литературный опус мог так и остаться рукописью. Судьба ее висела на волоске.

Промозглым осенним утром мы встретились у входа в светло-кирпичный жилой дом недалеко от Садового кольца, на первом этаже размещалась нужная нам ор-

ганизация. Мы – это зав. редакцией “Московского рабочего” Мирон Викторович Тесленко, редактор Ирина Мстиславовна Геника и я. Нас приняли начальник Горлита и его заместительница Валентина Ивановна.

Тесленко задал сакраментальный вопрос: “Почему вы противитесь выходу книги Гая?” Фенин постучал карандашом по стеклу казенного стола и жестко отрубил: “Потому что она раскрывает государственные секреты”. – “Какие же?” – Тесленко вздернул брови. – “Автор раскрыл дислокацию секретного КБ. Он описывает сцену, когда больной Миль попросил водителя отвезти его в ближнее Подмосковье полюбоваться на природу. Ехали они по Можайскому шоссе. Следовательно, КБ находится в Москве. А это – секретные данные”.

При этих словах Фенин окинул нас троих взглядом, каким, наверное, следователи смотрели на “врагов народа” в 37-м.

“Так весь мир знает, что вертолетное КБ базируется в Москве! Милевцы участвуют в зарубежных авиасалонах, их посещают западные делегации”, – не выдержал я.

“В нашем перечне нет такого КБ, – отрезал Фенин, а Валентина Ивановна, заподозрив недоброе, осведомилась: “Вы – сотрудник издательства?” – “Нет, это автор книги”, – пояснила Геника.

Боже, что тут началось! Фенин в ужасе посмотрел на замшу, та всплеснула руками и выскочила из кабинета, как ошпаренная. Через несколько секунд дверь приоткрылась и из коридора выглянула испуганно-заинтересованная женская физиономия, потом мужская, в кабинет заглядывали и тут же исчезали какие-то люди, а в коридоре слышалось повторяемое на разные голоса и с разными оттенками: “Автор! Автор!”

Живого человека, что-то написавшего и пришедшего отстаивать свои права, здесь, похоже, видели впервые.

Валентина Ивановна вбежала в кабинет в красных пятнах и едва не кинулась на меня: “Посторонним вход в Горлит запрещен! И как вы, товарищ Тесленко, могли такое допустить?” – уже в его адрес.

Тесленко, светлая ему память, был не робкого десятка. Осадив съехавшую с глузду бабу, он неожиданно по-свойски обратился к Фенину: “Ты рубишь без всяких серьезных оснований хорошую книгу...” Фенин, привычавшись, молчал.

И тут меня прорвало. Величайшая несправедливость, творившаяся на моих глазах, придала силы и необходимую в таких случаях авантюрную смелость. Я сказал, в упор глядя на Фенина: “Предупреждаю, если вы это сделаете, я пойду жаловаться в ЦК. Я до Суслова дойду. Я хорошо знаю его помощника...” – и назвал внезапно всплывшее имя реального человека. Это было вранье – я лишь однажды звонил ему по какому-то редакционному делу и более никак не был с ним связан.

Фенин оторопел. Тесленко, желая разрядить обстановку, обратился ко мне: “Выйди на пару минут, мы тут без тебя покалякаем...”

“Пара минут” затянулась.

Наконец, меня пригласили в кабинет.

“Сейчас вы сядете с моей заместительницей в отдельной комнате, она покажет все места, которые надо убрать или изменить, а дальше мы будем решать”, – хмуро произнес Фенин и, покосившись на меня, добавил: “Положительно”.

Вот так в муках из чрева цензурного ведомства выползала на свет моя первая книга...

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько предварительных слов	6
“Я до Суслова дойду...”	10
“...Пораженья от победы ты сам не должен отличать”	20
Ответ через 12 лет.....	35
Хождение по мукам	43
“А будет ли такой Горький понятен народу?”	49
“День рождения”	65
Кровью кровь не уничтожается	82
“Десятый круг”	104
“Вторжение”	125
Плыть на льдине одиночества	145
“Джекпот”	157
“Сослагательное наклонение”	164
“Средь круговращенья земного...”	175
“Террариум”	188
“Исчезновение”. “Катарсис”	214

...я общаюсь с книжками как с собственными детьми, вспоминаю их проделки, капризы, доставленные мне горькие и радостные минуты, для меня, их родителя, собранное в твердом или мягком перелете не исчерпывает содержание – за кадром, на полях остается

многое, весьма поучительное. Как они являлись на свет божий, каким образом рождался замысел и как иногда по ходу работы менялся, какие барьеры приходилось преодолевать на пути к читателям... Мне вдруг настойчиво начинает казаться, что история написания книг и борьбы за них (да, борьбы!) не менее важна самой их сути...

Шла двенадцатая зима моей эмиграции. Я методично перелистывал страницы книг о Миле, Петлякове и Мясичеве и отчетливо видел лакуны, пустоты – многое неосуществленное не по своей и по своей вине. Теперь оставалось восполнить пробелы. И я засел за кардинальную переделку уже однажды написанного и изданного... Это было прекрасное время абсолютного творческого раскрепощения. Писать правду, как я ее понимал и чувствовал, оказалось так легко!

Более всего меня теперь интересовал мой протагонист, то есть я сам. Я хотел разговаривать с собой, исповедоваться самому себе, часто себя осуждать и куда реже хвалить, злиться и ругаться, огорчаться и радоваться, судить себя праведным судом, не давая поблажек; я хотел, повторю, писать о себе, откровенно и беспристрастно, привлекая к рассказу множество лиц, персонажей, в каждом из которых частичка меня – хорошего и скверного.

Жанр и стилистика будущего романа определились сразу – реалистическое повествование, основанное на жестких, неопровержимых фактах, – и полет фантазии: этого не было, но вполне могло быть. С фантазией понятно, но где добыть те самые “неопровержимые факты”? И я засел за изучение биографии реального ВВП.